

ЕЩЕ НЕМНОГО СОЛНЦА В ХОЛОДНОЙ ВОДЕ

Идти с Игорем Верником по улице сплошная мука. Прохожие оборачиваются, долго смотрят вслед, улыбаются. Я довольно часто появляюсь на телеэкране, но рядом с ним меня замучил комплекс безвестности. Есть такой у тщеславных людей. Возможно, Игорь им раньше страдал и решил стать известным.

— Каждому актеру хочется, чтобы его знали, но сейчас у меня с этим все нормально.

— Важно ли, какой ценой добиваешься славы?

— Тут есть своя проблема. Когда я выхожу на сцену и публика узнает меня, она вспоминает не столько мои драматические роли, сколько участие в клипах, шоу-программах. То есть я для нее не только герой спектакля, но и герой жизни, вне театра, вне кино.

Я убежден, что ничего дурного в этом нет. Напротив, теперь, когда и для актера, и для публики существует как бы единое аудио-визуальное пространство, в котором кино, театр, телевидение взаимосвязаны, практически неважно, каким образом к актеру приходит известность. Его появление в любой из этих сфер радует публику. Слава начинает работать на ее обладателя, где бы он ни появлялся (на тусовках, в телешоу, в репортажах о закулисной жизни кумиров). Это, что называется, «закадровое», «внесценическое» давление, создающее дополнительное воздействие к актеру.

После интервью с Игорем я смотрел во МХАТе в Камергерском спектакль «Ундина» по пьесе Жана Жироу, где он очень смешно играет камергера. Сидевший рядом со мной малыш счастливо прошептал: «Мама, Верник» и впился глазами в сцену. Популярность — кредит доверия. А дальше доверие надо оправдывать. Всегда и везде. У Игоря для этого есть основания — внешность героя, талант острохарактерного актера, энергия, умение прекрасно двигаться, петь, танцевать, сочинять стихи. Такое количество способностей, правда, иногда мешает. «Гений должен себя всесторонне ограничить», — говорил Гейне.

— Мне театра мало, хотя я очень его люблю. Всегда хочется делать что-нибудь еще.

— Это от мамы с папой все таланты?

— Вопрос понял. Я — коренной москвич, сейчас живу на проспекте Мира как раз с папой и мамой. Готовлюсь жить отдельно. Мне тридцать один год.

— Возраст не пытаетесь скрывать?

— Зачем?

— Среди актеров бытует мнение, что возраст надо скрывать. Это профессио-

нальное. Если тебе приходится играть разновозрастные роли, то лучше, чтобы никто не знал, сколько тебе лет.

— Я не скрываю. Семья у меня сверхартистическая, что отражается и на наших пристрастиях, и на профессиях, и на поведении в быту. Папа закончил актерский факультет ГИТИСа, проработал всю жизнь на радио в литдраме, а мама имеет музыкальное образование (она пианистка) и юридическое. Для папы улиты — это святое. Он выходил на сцену МХАТа, Книппер-Чехова подписывала ему диплом.

— Вы себя ведете как опытный интервьюируемый. Ваши ответы опережают мои вопросы. Наверное, ни дня без интервью, и конечно, все спрашивают про брата-близнеца Вадима, с которым вы везде появляетесь вместе. Он не меньше популярен, чем вы, хотя не актер, а выпускник театроведческого факультета ГИТИСа. И так, вас двое братьев...

— Трое. Старший брат Ростислав. Он тоже актер. Работал в областном драматическом театре, на эстраде, а сейчас режиссер на радио. Его фамилия Дубинский.

— Так, дальше...

— Извините, я еще добавлю. Мои родители выступали вместе на эстраде, мама играла на фортепьяно, отец читал. Мелодрама. У них есть коронные номера. Что-то о любви из Паустовского. Вообще дома не жизнь, а театр.

— Деваться вам было некуда — надо было идти в артисты.

— Да, точно, со школы все говорили, что Верник — артист. Может быть, потому, что хулиганил и участвовал с девятого класса в конкурсах чтецов, получал дипломы.

— Все, наверное, еще говорили: какой красавчик.

— Этого не было.

— Но знаменитая солнечная улыбка была?

— Была. Именно ее моя любимая девушка обозвала лошадиной.

— Видите, как переменчива судьба. Теперь все ее называют голливудской, а в русском американцем.

— Я не был в Америке, английский знаю, но не в совершенстве. А к определению себя как американца отношусь очень иронично. Хочется быть самим собой.

Я знаю Игоря достаточно давно, знаю многих его друзей еще со времен армейской службы и не встретил никого, кто бы сказал про него плохое. Игорь человек очень хороший и телеэкран это проявляет. У него точное ощущение своего стиля (я бы назвал его неоклассицизмом). Он чувствует форму и понимает свое соответствие одежде от Хуго Босса,

ослепительно белым рубашкам и галстукам изысканной гаммы. Его ботинки всегда блестят. Его поведение открыто, доброжелательно. Он любит комфорт, светскую жизнь, поклонниц.

— Вы себе нравитесь?

— Никогда. Шучу, конечно. Всегда. Тоже шучу. Я стараюсь активно жить. Не могу быть рабом, хотя профессия актера к тому располагает. Хочется развиваться, чтобы что-то менялось вокруг и в театре.

— Вас что, руководство Ефремова не очень устраивает?

— Ну что вы, я еще со Школы-студии МХАТ очень уважаю и люблю Олега Николаевича. Отношусь к нему с огромным пиететом. Он человек колоссального обаяния, ума, таланта.

— Вас сразу взяли во МХАТ?

— Нет, после института был в армии, вернее в Театре Советской Армии, где играл в «Робин Гуде», в спектакле «Моя профессия сеньор из общества». Представляете, на каком уровне на этом стадионе, на самой громадной сцене в мире? Потом уже МХАТ.

— Много сделано во МХАТе?

— Ну, так, средне. Я сначала был юный, без седины, но очень применимый во «взрослых» спектаклях. Затем стал играть в пьесах Мрожека, Чехова, Куприна.

— Ефремов вас замечает?

— А меня можно не заметить?

— Должен вас предупредить, что все, что вы скажете, может быть истолковано против вас!

— Я ничего особенного еще и не сказал.

Драматическая одаренность Игоря очевидна особенно там, где ему дают быть первым. Он не может быть вторым. Он лидер. Пусть это будет эпизод, но четко выстроенный на него, на его, как бы сказали в кино, крупный план. Я никогда не забуду, как смешно и заразительно он играл женщину-врача в спектакле по пьесе Мрожека «Портрет». Сам Мрожек был в восторге. Игорь никогда не «посадит» сцену. Его, напротив, хорошо выпускать в провалыных местах, поскольку он своей энергией и посылом взвинчивает действие. Иногда думаю, что ему по плечу Фигаро, темперамент и сдержанность одновременно. Его возможности театр еще как-то использует, но кино не вполне. Двадцать сыгранных ролей — вроде бы и немало. И роли типа мошенника из телесериала «Горячие и другие» популярность приносят и играют их нужно, однако мечтаются-то о другом.

— Конечно, хочется сниматься у Михалкова.

— А ваше влияние не так велико, чтобы по западному принципу нанять режиссера, сценариста, сколотить группу, и вперед.

— Сейчас нечто похожее пытаюсь сделать.

— Расскажите?

— Нет. Боюсь сглазить.

— Я совершенно не глазливый.

— Не вы, так другой.

— Тоже верно.

Все тайное становится явным. Когда-нибудь узнаем и этот секрет. Собственно, в нем ли дело? Главное, чтобы у Игоря все сбылось. Он того стоит.

Беседовал
Вадим МИХАЛЕВ.